

Дмитриева Надежда Валерьевна

соискатель кафедры русского языка
и общего языкознания
Московского городского
педагогического университета
elphi@list.ru

ОРНИТОНИМЫ С СИНТАКСИЧЕСКИ СВЯЗАННЫМ ЛЕКСИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ

Dmitrieva Nadezhda Valeryevna

PhD applicant of the Russian Language
and Common Linguistics Department,
The Moscow City Teachers'
Training University
elphi@list.ru

ORNITHONYMS WITH SYNTACTICALLY RELATED LEXICAL MEANING

Аннотация:

Настоящая статья посвящена анализу названий птиц, обладающих, помимо прямого, синтаксически связанным лексическим значением и имеющих ассоциативно-образную мотивацию. В статье приводится общая характеристика подобных орнитонимов, рассматриваются отдельные случаи их функционирования в речи носителей языка на примере различных частей речи, образованных от данных орнитонимических номинаций, и определяется сфера их употребления.

Ключевые слова:

орнитонимы, семантическое значение, оценочность, сфера употребления.

The summary:

The article analyzes the birds' names which have not only direct, syntactically related lexical meaning but also image associative motivation. The author provides an overview of such ornithonyms, considers specific cases of their performance in native speakers' everyday language through various parts of speech formed from these ornithonimic nominations, and determines the sphere of their use.

Keywords:

ornithonyms, semantical meaning, evaluation, the sphere of use.

Количество имен существительных – орнитонимов, обладающих синтаксически обусловленным значением слова, намного превышает число наименований птиц, имеющих фразеологически связанное либо только прямое лексическое значение.

О синтаксически обусловленном значении слова С.Л. Акопова в работе «О зоонимической лексике» пишет следующее: «...это такое значение, которое реализуется только в тех случаях, когда слово выступает в предложении в определенной синтаксической функции. Почти все значения зоонимов, употребляемых в переносном смысле, являются синтаксически обусловленными» [1, с. 89–90]. Сравните, например, *петух* в значении «задира», *ворона* – «ротозей», *сорока* – «сплетник», *кукушка* – «родитель, безответственно относящийся к воспитанию своего ребенка и перекардывающий его на кого-нибудь другого».

Такие имена существительные – названия птиц имеют ассоциативную (ассоциативно-образную) мотивацию, при которой «значение производного базируется уже не на значении производящего, а на тех или иных ассоциациях, связанных с ним в языковом коллективе. Ассоциации актуализируют определенный семантический признак, который, как правило, не фиксируется толковыми словарями у мотивирующего слова. Этот признак обычно связан с образными характеристиками и служит основой уподобления: *советь* – «пребывать в дремотном состоянии, как сова днем» [2, с. 497].

Иными словами, производное слово, в процессе деривации которого происходят семантические сдвиги, служит основой для зарождения новых лексем. Как пишет А.Ф. Лосев в своём труде «Философия имени», слово «норовит жить уже собственной жизнью и вовсе не всегда склонно к отражению тех вещей, которые его породили и отражением которых оно же и является» [3, с. 378].

«Синтаксически связанное значение становится понятным потому, что в предложении раскрываются аспекты поведения или характера человека, которые вызывают подобную характеристику. Переносные, синтаксически обусловленные значения зоонимов обычны, когда последние выступают в качестве сказуемых» [4, с. 90].

Беда, Клавдия Васильевна, с молодым нашим поколением, беда! Не нравится мне оно, прямо говорю! ... Петухи! И тронуть их нельзя, прямо в область скажут! (В. Розов);

Бывает, Коршунов иной Синичкина боится! (С. Михалков);

– *Ворона, – перебил он вдруг себя. — Пропустил почтовый ящик.* (А. Куприн).

Анализ орнитонимов, содержащихся в Большом Академическом словаре, показывает, что из общего количества названий птиц способные употребляться переносно – для характеристики

или оценки человека (сюда входят и орнитонимы с компаративным или окказиональным переносным употреблением) – 21 % от их общего количества.

В.В. Виноградов писал: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [5, с. 18]. Именно поэтому и являются необходимыми переносные, вторичные лексические значения большинства слов, в том числе и орнитонимов.

Направление развития, эволюции любого живого, функционирующего языка состоит в движении от конкретного к абстрактному. По этой причине семантическая структура слова не может не изменяться, причем трансформируются не только сами лексические значения, вследствие чего становится возможным вытеснение первичных значений слов вторичными, или переносными, значениями. Обратившись к их этимологии, можно увидеть, что значения большого количества орнитонимов, ныне считающиеся номинативными, прямыми, исторически окказионально являются переносными. Вполне вероятно, что в будущем переносные значения многих орнитонимов могут стать номинативными значениями антропонимов. Сравним, например, орнитоним *шилохвостка*. Словарь современного русского литературного языка дает нам следующее толкование этого слова. 1. «Птица семейства утиных, с двумя длинными перьями в хвосте». 2. «Перен. Разг. – сниж. О пустой, непоседливой, легкомысленной женщине». Уже сейчас, используя это слово применительно к особе женского пола, мы почти не помним, что это не антропоним, а всего лишь вторичное (переносное) значение зоонима. Мало кто из употребляющих в разговорной речи зооним *касатка* в переносном значении помнит его номинативное значение – «вид ласточки, так называемая деревенская ласточка».

«Изменение соотношения между значениями слова, – развивает эту мысль в своей статье С.Л. Аكوпова, – вызывает необходимость тщательного лексикографического описания зоонимов в толковых словарях. При этом особенно важно, определяя переносное значение зоонимов, учитывать стилистический принцип (выражение живой образности), а не исторический, так как в том, какое из значений слова является переносным, решающую роль играет стилистический характер данного слова [6, с. 90].

Расширение семантики названий птиц связано с ассоциативным употреблением. Каждый из зоонимов в переносном значении имеет свой смысловой объем, свои дифференциальные признаки, свойственные данному слову.

Наименования птиц проявляют высокую активность в образовании имен прилагательных: *голубиная кротость, орлиный взгляд, лебединая песня* (здесь употребляются явно переносные значения: эти прилагательные называют признаки, свойства людей, поскольку сами орнитонимы обладают метафорическими значениями).

Вообще характеристика человека, его внутренних и внешних качеств с помощью прилагательных, образованных от названий птиц, – явление, широко представленное в языке: *соколы очи, журавлиная поступь, ястребиный взор, утиный нос, лебединая песня, курицын сын, орлиный нос, петушиный голос*.

«Если, предположим, певец с куриным голосишком захочет петь в Большом театре, ему этого не позволят сделать» («Литературная газета», 4 октября 1978).

Таким образом, имена прилагательные, образованные от наименований птиц, могут служить для качественной характеристики человека. Причем они несут в своем значении оттенок сравнения.

Но зачастую подобные имена существительные – названия птиц характеризуют не только людей, но и предметы быта, орудия труда и т.д. Новые значения слов в данном случае образуются на основе сходства, смежности отдельных признаков. Например, словом *журавль* мы обозначим не только болотную перелетную птицу с длинными ногами, шеей и клювом, так еще называется длинный шест у колодца, служащий рычагом при подъеме воды. То есть между данными предметами имеется сходство по форме так же, как и в именах существительных *галка* (птица и пометка в виде двух сходящихся внизу черточек), *ласточка* (птица с узкими острыми крыльями и раздвоенным хвостом и гимнастическая фигура).

Что касается качественной характеристики человека, то иногда наименования птиц используются не только для подчеркивания отдельных черт характера и особенностей поведения, но и как психологические термины (существительные *сова* и *жаворонок* обозначают типы организации психики человека, активность которого приходится на вечерние или утренние часы).

Такие имена существительные, как *голубка, пава, ласточка, сокол, лебедушка, петушок, орел* приобретают ласкательное значение, наиболее часто употребляются при обращении к какому-либо лицу мужского или женского пола.

Важно знать, какие из элементов, составляющих в совокупности лексическое значение слова, оказываются устойчивыми в плане диахронического развития языка и посредством каких семантических признаков различные значения многозначных слов оказываются объединёнными в семантической структуре слова. Лексико-семантические изменения играют в языке исключительно важную роль и в организации синхронной системы лексики, так как употребление слова в различных значениях обычно связано с ролью этих значений в семантической структуре слова.

Поэтому, анализируя значение слова и соотношения значений внутри слова, важно исследовать и связи, существующие между словами, – парадигматические, синтагматические и деривационные.

Большой интерес представляет анализ экспрессивно-стилистической окраски слов, так как «языком человек не только выражает что-либо, он им выражает также и самого себя», в нем – личная оценка действительности «от взволнованности мгновения до постоянства не только лица, ближайшей его среды, класса, но и эпохи, народа, культуры». В самой основе наименований птиц в переносном значении лежат образность, экспрессивность и оценочность. Под образностью мы понимаем отражение в переносном значении каждого названия птицы признака внешнего (или внутреннего) сходства, экспрессивность связана с проявлением в переносном значении названия птицы степени интенсивности признака, оценочность – с отношением к денотату (то есть к тому предмету или явлению, с которым соотносится данная языковая единица). Первоначально для русского языка было характерно употребление названий птиц в переносном значении с положительной оценкой личностного типа. Современное употребление свидетельствует о преобладании негативных оценок. Даже малочисленная группа названий птиц, по традиции употреблявшихся для выражения положительной оценки личности (таких, как *голубь*, *ласточка*, *касатка*, *сокол* и др.), часто употребляется в обратном (или ироническом) значении. Например:

– *Сделают пометочку, ты придешь ямы копать под опоры, а тебе скажут: «Э-э, голубчик, а у тебя тут... Нет, скажут, нам таких не надо.* (В. Шукшин);

...Из «окружения» наши орлы вышли, но получили пятнадцать суток. (Он же).

Возможно, это объясняется тем, что положительную оценку личности легче дать, не прибегая к метафоризации, сочетанием прилагательного со словом человек или антропонимами *молодец*, *умница* и др. Причиной преобладания негативных орнитохарактеристик можно считать также и то, что за норму языковой оценки принимается нейтральный момент социальной оценки.

Изменение эмоциональной окраски наименований птиц наблюдается в двух направлениях: слова с положительной окраской меняют ее на отрицательную и, наоборот, даже бранные слова могут менять окраску на положительную.

Различая в семантической структуре слова постоянную (закрепленный элемент лексического значения слова) и ситуативную окраску, можно отнести подобные примеры к случаям ситуативной эмоциональной окраски или к ситуативному переносному значению. В некоторых случаях употребление названий птиц с отрицательной оценочностью для обозначения положительного отношения к денотату влияет на выделение у слова еще одного значения.

Отметим, что для русского языка нетипично употребление переносного значения названия птиц с отрицательной оценкой при обозначении положительного признака. Поэтому при анализе случаев такого употребления в первую очередь нужно выявить основной оценочный компонент переносного значения названия птиц в общем семантическом объеме.

Словом *стервятник* обозначают алчного, жадного человека: «*Ну, ты и стервятник, своего не упустишь!*», «*С этим стервятником лучше не иметь никакого дела*». В противоречии употребляется глагол *стервятничать* «вести себя по-хамски, опираясь только на свои собственнические интересы».

Пустельга – это не только хищная птица семейства соколиных, питающаяся грызунами и насекомыми, так еще презрительно отзываются о пустом, несерьезном, легкомысленном человеке.

Существительное *бормотун*, кроме прямого значения – «голубь породы хохлатых, мохноногих», имеет метафорическое – «тот, кто постоянно бормочет». У этого имени существительного и переносным значением имеется и «женский вариант» – *бормотунья*.

«*Кукушка вышла замуж за Петуха, родила ему пятерых индюшат, а сама ушла с Павлином*» (из выступления сатириков Михаила Азова и Владимира Тихвинского).

Глаголы *попугайничать*, *петушиться* обозначают «вести себя подобно попугаю, петуху».

Развитие переносных значений у названий птиц способствует образованию глаголов, употребительных в индивидуальной речи, в языке художественных произведений.

В Толковом словаре В.И. Даля представлены глаголы *сорочить* – «чесать язычок, болтать пустяки» (ср. *сорока* – «сплетница, болтушка»), *орлить* – «выжигать на плече у преступника клеймо в виде двуглавого орла» [7, с. 269]. Первый глагол до сих пор является употребитель-

ным в активной лексике современного русского языка, второй перешел в разряд архаизмов, ибо исчезло само то явление, которое он обозначает, отошло в историческое прошлое.

Следовательно, значительная часть глаголов образуется от названий птиц с метафорическими значениями, с ассоциативно-образной мотивацией. Причем степень употребительности и стилистическая окраска их неодинакова. Слова *петушиться*, *сорочить*, *попугайничать* и тому подобные широко распространены в языке, в то время как глаголы типа *стервятничать*, *коршуничать* индивидуальны. Они различаются и стилистически: одни из них нейтральны, другие имеют просторечный, вульгарно-бранный оттенок. Основная сфера функционирования большинства таких глаголов – разговорная речь.

Исходя из вышеизложенного материала, следует отметить высокую степень идиоматичности и образности, сильное содержание номинативности, присущие большинству орнитонимов. Все эти признаки в полной мере проявляют себя именно через семантическую деривацию, когда у общеизвестного слова появляется новый, дополнительный смысл, находящий своё выражение в синтаксически связанных значениях наименований птиц.

Ссылки:

1. Аكوпова С.Л. О зоонимической лексике // РЯШ. 1983. № 3. С. 89–91.
2. Диброва Е.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. Ч. 2 / под ред. Дибровой Е.И. М., 2008.
3. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос / сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1993.
4. Аكوпова С.Л. Указ. соч.
5. Виноградов В. В. О формах слова // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
6. Аكوпова С.Л. Указ. соч.
7. Даль В.И. Большой иллюстрированный словарь русского языка. Современное написание. М., 2006.

References (transliterated):

1. Akopova S.L. O zoonimicheskoy leksike // RYASH. 1983. No. 3. P. 89–91.
2. Dibrova E.I. Sovremenniy russkiy yazyk: Teoriya. Analiz yazykovykh edinitis: In 2 parts. Part 2 / ed. by Dibrova E.I. M., 2008.
3. Losev A.F. Bytie. Imya. Kosmos / comp. and ed. by A.A. Takho-Godi. M., 1993.
4. Akopova S.L. Op. cit.
5. Vinogradov V. V. O formakh slova // Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike. M., 1975.
6. Akopova S.L. Op. cit.
7. Dal' V.I. Bol'shoy illyustrirovanniy slovar' russkogo yazyka. Sovremennoe napisanie. M., 2006.